

УДК 811.11-112: 81'282.8=112.28

**РОЛЬ ВЛИЯНИЯ ГЕРМАНСКИХ, СЛАВЯНСКИХ, СЕМИТСКИХ И РОМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ НА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА). СТАТЬЯ 1.**

**THE ROLE OF THE INFLUENCE OF GERMANIC, SLAVIC, SEMITIC AND
ROMANCE LANGUAGES IN THE SOCIOLINGUISTIC PALE SITUATION (BASED
ON THE WORKS OF SHOLOM ALEICHEM). ARTICLE 1.**

**И.В. Бойчук, И.О. Ещенко, А.О. Лавриненко
I.V. Boichuk, I.O. Eshchenko, A.O. Lavrinenko**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, Russia, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lavrinenko@bsu.edu.ru, eschenko@bsu.edu.ru

Аннотация

Одной из особенностей произведений великого еврейского писателя Шолом-Алейхема (1859 – 1916) является скрупулёзная достоверность воспроизведения повседневной жизни евреев, проживавших в так называемой черте оседлости. И хотя, разумеется, художественный дискурс писателя не является официальным документом, не вызывает сомнений ценность литературных произведений в качестве источника информации для социолингвистического анализа ситуации описываемых языковых коллективов. Произведения этого писателя смело можно назвать энциклопедией еврейской жизни, подобно тому, как «Евгений Онегин» считается энциклопедией русской жизни соответствующего периода. Материалом для нашего исследования послужили произведения Шолом-Алейхема, включённые в издание, вышедшее в свет в 1959-1961 гг. в Государственном издательстве художественной литературы в честь столетия со дня рождения автора, общим объёмом более четырёх тысяч страниц (включая предисловие и примечания). Кроме того, мы пользовались сборником произведений Шолом-Алейхема, переведённых на английский язык Мириам Кац и изданных в 1988 г. издательством «Радуга», включающим ценное предисловие переводчика и комментарии. Анализ произведений писателя с социолингвистической точки зрения позволяет выявить некоторые дополнительные сведения.

Abstract. One of the features of the works of the great Jewish writer Sholom Aleichem (1859 - 1916) is the scrupulous authenticity of the reproduction of the daily life of Jews living in the so-called Pale of Settlement. And although, of course, the artistic discourse of the writer is not an official document, there is no doubt the value of literary works as a source of information for the sociolinguistic analysis of the situation of the language groups described. The works of this writer can be safely called the encyclopedia of Jewish life, just as "Eugene Onegin" is considered an encyclopedia of Russian life of the corresponding period. The material for our study was the works of Sholom Aleichem, included in the publication, which was published in 1959-1961. in the State Publishing House of Fiction in honor of the centenary of the author's birth, the total volume of more than four thousand pages (including the foreword and notes). In addition, we used a collection of works by Sholem Aleichem translated into English by Miriam Katz and published in 1988 by the publishing house Raduga, which included a valuable translator's foreword and comments. Analysis of the writer's works from a sociolinguistic point of view allows us to reveal some additional information.

Ключевые слова: Шолом-Алейхем, идиш, черта оседлости, социолингвистика.

Key words: Sholom-Aleichem, Yiddish, pale of settlement, sociolinguistics.

Не вызывает сомнений, что основным языком, которым пользовалось еврейское население черты оседлости на рубеже XIX и XX веков, был идиш. В. Финк так описывает черту оседлости: «В черту входили западные и южные губернии. Территория была немаленькая, евреев около полутора миллионов душ. ... Но евреям запрещалось жить в деревне... Можно было селиться в мелких городах и местечках. Но и там поджидали ограничения. Например, было запрещено принимать евреев в государственные учреждения, хотя бы в качестве ночных сторожей или дворников. Промышленность в те годы в тех местах была кустарная или полукустарная, она не могла принять всю рабочую силу, которую предлагало местное еврейское население. Вот и получалось, что добрых полтора миллиона человек... было отстранено от всякого разумного и производительного труда» [Финк: 12]. Заметим, что на численность евреев в черте оседлости существуют разные точки зрения. Так, в английском разделе Википедии численность еврейского населения в черте оседлости оценивается приблизительно в пять миллионов человек, несмотря на то, что с 1881 по 1914 гг. из черты эмигрировало около двух миллионов евреев, преимущественно в США [Википедия: <http>], что, вероятно, ближе к истине, так как согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., насчитывалось 5215805 иудеев (Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: Распределение населения по вероисповеданиям и регионам [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897: Population by religions and regions]. Демоскоп Weekly (in Russian). Retrieved 30 September 2013.). Николас де Ланж пишет: «У восточных евреев была сильно развита национальная и культурная самобытность, во многом сформировавшаяся еще в средние века в долине Рейна, откуда после XIII века ашкеназы стали мигрировать на восток. Они были жестко отделены от христианского населения и сохраняли свой язык (идиш) и культуру столетиями» [Ланж: 34]. Вместе с тем, как известно, идиш включает обширнейший слой слов славянского происхождения – польского, украинского, белорусского и русского. Так, например, даже в названии романа בלאגזשענע שטערן («Блуждающие звезды») входит слово польского происхождения. Мириам Кац, одна из переводчиков произведений Шолом-Алейхема на английский язык, так пишет об идише: “Yiddish, the language of the European Jews, is a Germanic language that is about a thousand years old; about twenty percent of it is old Hebrew and Aramaic. There are several dialects of spoken Yiddish, Western and Eastern... Sholom-Aleichem’s characters used the Polish-Ukrainian dialect, interspersed with a smattering of Ukrainian, Polish and Russian words and expressions”. Более подробные сведения о языке идиш можно найти, в частности, в Электронной Еврейской Энциклопедии или в книге В. П. Беркова «Современные германские языки» [Берков: 107-122].

Вместе с тем евреи, проживавшие на территории Российской империи в описываемый автором период, в силу различных причин социолингвистического характера довольно активно использовали и другие языки.

На первом месте в списке этих языков стоит, безусловно, иврит – «древнееврейский язык – язык культа, делопроизводства и общения евреев разных стран» [Берков: 107], лошн - а - койдеш. Николас де Ланж пишет об иврите: «Поскольку на нем созданы древние Писания, иврит прочно ассоциируется с евреями: неевреи тоже иногда изучают его, но общаются или выражают свои мысли на нем достаточно редко» [Ланж: 32]. Эрик Нюстрем пишет об иврите: «Еврейский язык, как один из древнейших языков, если только не самый древний, заслуживает особенного внимания, будучи языком древних израильтян, на котором Бог давал им свои откровения» [Нюстрем: 371]. Известно, что ивритом в ту пору лучше владели мужчины-евреи, нежели женщины-еврейки. Этот факт объясняется прежде всего системой образования, бытовавшей на рассматриваемой территории. Все еврейские мальчики в обязательном порядке посещали хедер (или талмуд-тору), где глубоко изучался иврит. Девочки же этого не делали и, следовательно, их знание иврита значительно уступало таковому мальчиков. Так, в

подтверждение можно привести следующую выдержку: « «Откуда, в самом деле, мне уметь писать? Если я немного владею еврейским письмом, то я должна быть благодарна за это отцу-кантору. Он ведь всегда говорил мне: «Мальчики сидят и пишут, пиши и ты... Помни, доченька, со временем тебе это может пригодиться» (Шолом-Алейхем: 2, 277). Таким образом, обучение девочки еврейскому письму вовсе не было чем-то обязательным, но в тоже время это не было и чем-то исключительным. Так, например, известно, что Г. Лейвик был «сыном многодетного учителя, дававшего уроки еврейской грамоты девушкам» [Википедия: [http](http://)]. Известно, что для женщин даже издавалось Пятикнижие с переводом на идиш – так называемая Тайч-Хумеш (или Тайч-Хумаш): «Вдруг она востепенулась, взяла в руки «Тайч-Хумеш», торопливо раскрыла ее...» [Шолом-Алейхем: 1, 125]. Об этом упоминается не только у Шолом-Алейхема, но, например, и в произведениях Иццока Лейбуша-Переца (1852-1915), творившего одновременно с Шолом-Алейхемом на территории Царства Польского, также входившего в состав Российской империи.

Мужчины, независимо от социального статуса и возраста, как правило, владели ивритом достаточно хорошо. В качестве примера можно привести сцену из «Мальчика Мотла», в которой описывается, что, когда Мотлом начинает интересоваться полиция, некий старик дает сироте совет на иврите поскорее и подальше убираться с места происшествия, и Мотл его прекрасно понимает. Приводим этот отрывок в переводе М. Шамбадала: «Тогда один старик с вороватыми глазами говорит мне по-древнееврейски:

- Мотл! Вырви руку, ноги на плечи – и драла!» (Шолом-Алейхем: 3, 63).

Таким образом, иврит (древнееврейский язык в терминологии, принятой в советской литературе) мог использоваться в криптологических целях, чтобы затруднить или сделать невозможным понимание речи неевреями, которые в силу длительного проживания в непосредственной близости с евреями могли усвоить идиш в степени, достаточной для понимания устной бытовой речи. Достаточно в качестве примера упомянуть пана Милиневского, который «...понимал по-еврейски, как еврей, был умницей» (Шолом-Алейхем: 4, 343), или «Мировой судья Романовский – умница, понимавший по-еврейски, разнимал их и читал нотации. Что с ним поделаешь – нееврей!» (Шолом-Алейхем: 3, 440). Напомним, что в советской литературе еврейский язык эквивалентен идишу. Не исключено, что в этом явлении кроются корни присутствия слов ивритского происхождения в русской фене – ксива, параша, хаза, малина и т. п. Слова эти, однако, попали в русский блатной жаргон через посредство идиша. Хотя Агамемнон Афиногенович, тепликский пристав, который говорил с евреями «наполовину по-еврейски», освоил даже в определенной степени иврит: «Ты пойдешь у меня «мит ди риглаим»! – сказал ему, по своему обыкновению, Аман Иванович, наполовину по-русски, наполовину по-древнееврейски» (Шолом-Алейхем: 4, 147).

Кроме того, иврит мог употребляться из стилистических соображений. Так, в переписке Менахема-Мендла и Шейны-Шейндл в начале писем употребляются пышные ивритские приветствия, затем идет основной текст на бытовом идише. То же можно сказать и о письме Сендера Бланка [Шолом-Алейхем: 6, 51]. Однако письма могли быть написаны полностью на иврите: «И он шлет домой письмо, написанное по-древнееврейски, изысканным слогом...». Зять Сендера Бланка отвечает «тестю по-древнееврейски, очень цветисто и со множеством ошибок» [Шолом-Алейхем: 6, 52]. При этом следует учитывать, что идиш содержит значительное количество лексики, почерпнутой из иврита (например, вдова אַלמָנָה, юг דָּאַרְעַם, сумасшедший מַעֲשׂוּגָנוּעַר, удача מַאָזל, подарок מַאָזל וּמַאָזל и т. д. – как известно, семитизмы – ивритские и арамейские слова – составляют не менее 20 % лексического состава идиш). Однако необходимо помнить, что «вопреки широко распространенному среди неспециалистов мнению, между функциями элементов словарного состава идиш и их происхождением не существует никакого строгого соответствия. Так, различные слова из иврита и арамейского языка могут иметь

торжественные, нейтральные и даже просторечные коннотации в зависимости от индивидуального слова. Характер процесса смешения разнородных элементов в идише не позволяет точно определить процентное соотношение слов из разных источников в этом языке» [ЭЭ: [http](http://)]. В. П. Берков также указывает, что «Древнееврейские слова (семитизмы) характерны для самых разнообразных слоев лексики» [Берков: 120].

Иврит обладал высоким социальным престижем. Так, например, в списке потенциальных женихов и невест шадхена Лейбе Лебельского среди основных достоинств жениха упоминается знание иврита: «Сын богача Лейбуша Капоте... Играет на скрипке и знает древнееврейский...» (Шолом-Алейхем:1,439). Или: «Лейзер-Йосл был вундеркиндом... А как он знал древнееврейский!» (Шолом-Алейхем:3, 442). Более высокий социальный статус иврита по отношению к идишу нагляден в следующей фразе Тевье: «Тевье забывает, что мудрецы наши тысячу раз наказывали: «Почитай его и подозревай», а по-еврейски это означает: «Не верь собаке!»» (Шолом-Алейхем:1, 527). Показательно, что отец Шолома, естественно, молится на иврите, но когда его отвлекают, старается все же не переходить на идиш и продолжает пользоваться ивритом. Рахмиел-Мойше, усаживаясь за стол и также не желая прерывать молитву, обращается к жене: «Мелах» - соль?!» и получает ответ: ««Мелах», соль-шмоль! Вот стоит у тебя под носом! Вот, чего ты окаешь» (Шолом-Алейхем:4, 173). Владение ивритом даже у мужчин, однако, далеко не всегда было свободным, о чем свидетельствует следующий отрывок: «Но так как молиться он еще не кончил, а прерывать молитву не хотел, то разговаривал со мной по-древнееврейски, на «священном языке», то есть размахивал руками, подмигивал, пожимал плечами, кивал головой, шмыгал носом, а также произносил изредка кое-какие древнееврейские слова» (Шолом-Алейхем:4, 251).

Вместе с тем, например, мясник Лейзер-Волф отзывается о книжной учености, ассоциирующейся с владением ивритом и арамейским, без особого почтения. Когда Тевье произносит выдуманную им фразу, имитирующую то ли иврит, то ли, скорее, арамейский, невежественный Лейзер-Волф замечает: «Вы...вечно со своей ученостью. Хорошо вам, реб Тевье, что вы знаете толк в мелких буквах. Но к чему она, эта премудрость и ученость?» (Шолом-Алейхем:1, 508). Педоцур также заявляет: «- Скажу вам по чистой совести, что Талмуд я никогда не изучал и даже не знаю, как он выглядит!» (Шолом-Алейхем:1, 592). Заметим, что и Лейзер-Волф, и Педоцур – персонажи скорее отрицательные. Сват реб Эфраим также не демонстрирует глубокой осведомленности в Священном Писании – когда Тевье замечает, что фамилия Педоцур фигурирует в Библии, реб Эфраим не совсем понимает, о чем речь и пренебрежительно отмахивается от этой информации (Шолом-Алейхем: 1, 584). Что касается самого Тевье, в примечании, написанном А. Фрумкиным, говорится: «Книга «Тевье-молочник» больше всех других произведений Шолом-Алейхема изобилует цитатами из Священного Писания, молитв и т.д. ...В еврейском оригинале все эти цитаты Тевье произносит на древнееврейском языке оригиналов Библии, Талмуда или молитв и переводит их на еврейский язык (идиш) по-своему...» [Шолом-Алейхем: 6, 632].

Исчерпывающе социолингвистический статус иврита и идиша около 1880 года резюмирует следующая цитата из произведения «С ярмарки»: «Одним словом, либо по-древнееврейски, либо по-русски – что малый будет писать по-еврейски, никому и в голову не приходило. Еврейский – да какой же это язык! Говорили-то, собственно, только по-еврейски, но что можно писать по-еврейски, никто не предполагал. «Жаргон» — чтиво для женщин, бабья утеха. Мужчина стеснялся и в руки брать еврейскую книгу: люди скажут – невежда» [Шолом-Алейхем: 3, 465]. Таким образом, мы видим, что евреи устно общались почти исключительно на идише, однако считалось предпочтительным писать если уж не на иврите, то по-русски, только не на идише. И лишь к концу века ситуация начала меняться в пользу идиш. Так, «деревенский магнат посессор Лоев» (будущий тесть писателя) «читал книги только на древнееврейском языке, ... его библиотека состояла

главным образом из древнееврейских книг (еврейский тогда еще не был в моде))(Шолом-Алейхем:3, 545). Не вызывает сомнений, что сам Шолом-Алейхем приложил титанические усилия к тому, чтобы еврейский (т. е. идиш) «вошел в моду». Так, Шолом-Алейхем пишет: «В то время (1883) появилась еврейская газета, первая газета на разговорном еврейском языке «Фолксблат» Александра Цедербаума, и так как русские издания отказывались печатать мои «романы» и «драмы», а статьи на древнееврейском языке также никого не улаждали, то я попытался забавы ради написать что-нибудь на разговорном языке, на языке Менделе Мойхер-Сфорима» (Шолом-Алейхем:3, 599). Критик С.М. Дубнов сразу распознал гений Шолом-Алейхема: «Он хвалил мой «Ножик» и утверждал, что молодой автор обнаруживает талант и со временем подарит нашей бедной литературе на разговорном языке «идиш» хорошие произведения» (Шолом-Алейхем:3, 600).

Вернемся еще раз к вопросу о гендерном аффицитете иврита и идиша. Как уже упоминалось, ивритом значительно лучше владели мужчины, идиш же – безраздельный апанаж женщин, хотя, разумеется, в повседневной жизни им и преимущественно, если не исключительно им, пользовались и мужчины. Об этом свидетельствуют соответствующие названия идиш *מאמך לשון* «мамин язык» и иврита *שפת אב* «язык отца».

Владение женщиной ивритом характеризовало ее как наделенную неким особым статусом. Приведем цитату: «Множеством древнееврейских изречений уснащает свою речь тетя Добриш, поэтому-то она и славится как женщина умная, образованная, народ говорит, что у нее мужская голова» (Шолом-Алейхем:6, 60-61).

Шолом-Алейхем пишет: «...помогите уразуметь, откуда берется, к примеру такое, что касриловский еврей, заговаривая о нееврее, начинает изо всех сил пересыпать свою речь древнееврейскими словами... Это из числа тех явлений, которые постигнуть здравым рассудком невозможно, это надо чувствовать...» [Шолом-Алейхем: 4, 441].

Существовавшая в тот период острая конкуренция между ивритом и идиш [ЕЭЕ: <http>] отражена Шолом-Алейхемом в художественной форме в главе «Идишисты и гебраисты» из произведения «Касриловский прогресс», входящего в цикл «Новая Касриловка». Касриловские гебраисты «устраивают демонстрацию» против идиша: «Дальше этого председатель не пошел. Ему не дали договорить. Кто, собственно? Да противники языка «идиш». Им, видите ли, ненавистен идиш, потому что идиш – это жаргон, а жаргон – это «фу»! И они выступили с протестом:

- Иврит! По-древнееврейски давай!» (Шолом-Алейхем:4, 608)

Однако идиш в описываемый период имел не менее горячих сторонников и защитников: «Тут уж касриловские идишисты устроили демонстрацию против древнееврейского. Тоже, видно, сговорились. Топанье ногами, вопли – настоящую обструкцию устроили. Стекла в окнах звенели от шума, стены дрожали: «Михнатаим! Идиш давай! Идиш! Идиш!» (Шолом-Алейхем:4, 608). Почему-то идишисты используют слово *מכנסיים* («штаны», «брюки») в качестве аргумента против использования иврита.

Примечательно, что ашкеназийский извод иврита пытаются стигматизировать, приводя в пример произношение, ориентирующееся на сефардский извод, принятый в Палестине: « - Работай! Не «рабойсай», как у нас говорят, а именно «работай», как произносят в Палестине...» (Шолом-Алейхем:4, 608). Подробно на традициях еврейского произношения останавливается Николас де Ланж [Ланж: 181].

В то же время, когда православный священник начинает цитировать Тевье Библию на иврите, Тевье не нравится его произношение, т.к. священник, очевидно, ориентируется на сефардское, а не на ашкеназское произношение слов иврита.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на безусловное преобладание идиш в тот период, у иврита, вернее у его повседневного употребления, и в черте оседлости имелось немало горячих сторонников, настоятельно требовавших изгнать из употребления идиш и заменить его ивритом, что приводило к острым столкновениям с «идишистами».

Напомним, что «по образцу Черновицкой конференции по языку идиш в 1910 г. в Берлине была проведена аналогичная конференция по языку иврит» [ЭЕЭ: <http>]. Эти дискуссии предвосхищают проблему выбора государственного языка в еще не возникшем тогда Государстве Израиль.

Утверждение Мириам Кац об обильном использовании персонажами произведений Шолом-Алейхема славянских вкраплений в виде отдельных слов, выражений и целых предложений находит подтверждение на страницах многих произведений, входящих в анализируемое собрание сочинений. Таким образом, помимо славянизмов, интегрированных в идиш (ווערבע טשטיק סאָווע קליאַטשע), евреи, проживающие в Российской империи, употребляли в своей речи многочисленные русские, украинские, польские и белорусские вкрапления, которые мы можем квалифицировать как варваризмы. Это как отдельные слова, так и целые предложения. В произведениях Шолом-Алейхема чаще всего встречаются украинские вкрапления, затем – русские и польские. Весьма показательна в этом отношении речь Златы и Зелды на суде в рассказе «Праздничные дары». К сожалению, в русском переводе некоторые нюансы были утрачены, поэтому мы приводим образчики речи этих женщин в переводе Мириам Кац на английский язык. Сначала Зелда заявляет: “Gospodin mirovoi! cries Zelda in a mixture of garbled Russian and Yiddish... Ona, eta hultaika, do menye prislait on this year’s Purim a kharoshi shalakhmones to make a laughing-stock of me! A parshivi strudel i odin macaroon, prosto a mockery, stram, tphooh!” Злата отвечает: “Oi! Oi! Oi! This I can’t bear! ...Dai bozhe meny etakiy shmatok zolota!” и т. д. (Sholom-Aleichem, 344-345). Вероятно, такое обильное привлечение славянских вкраплений в речи на идиш обусловлено и прагматическими соображениями, — женщины стремятся быть как можно лучше понятыми судьей Милиневским. Они, очевидно, учитывают тот факт, что судопроизводство в Российской империи ведется на русском языке и стремятся «соответствовать» требованиям. Однако их русский язык содержит значительную примесь украинских слов и может быть квалифицирован как суржик. Не вызывает сомнений, что общаясь друг с другом, Злата и Зелда, говоря на идише, не употребляли бы в своей речи такое массивное количество славянизмов. Другой пример попыток активно пользоваться русским языком — Пиня из «Мальчика Мотла». Русский язык Пини столь же плох, сколь и язык Зелды и Златы: «Он подошел к служителю и заговорил с ним по-русски. Передаю вам слово в слово его русскую речь:

- Слухай-но, чоловіку! Чорт тобі не взяв, як ми поехали в Америку с множественное число подушки и подушечки, которые мы тобі дал на водку, и молчи, свинья!» (Шолом-Алейхем:3, 96-97). Не приходится особенно удивляться, что, услышав такой «русский язык», служитель в ответ грубо обругал Пиню. Или: «Он ...обращается к тому барину, что в синих очках, на своем «русском» языке:

-А как вы кушаете, свинья?» [Шолом-Алейхем: 3, 98]. В результате такого обращения Пиня подвергается побоям.

В речи персонажей нередко встречаются искаженные русские слова: егупецкие «стикраты», «че-шун-ча» (чесуча), «экзамент», «Наталия» (Италия), «коснетуция». Заметим, что большинство этих слов – интернационализмы.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом жители черты оседлости владели русским языком довольно плохо. Их русский язык является, скорее, суржилом, нежели полноценным русским языком. Это объясняется прежде всего тем, что евреи общались преимущественно с жившими с ними бок о бок носителями украинского языка. Показательным является уже названный нами пример – русская речь Пини, которая содержит украинизмы.

Очевидно, что в крупных городах, где доминировал русский язык, потребность во владении им возрастала. Евреи даже вынуждены были писать свои вывески на русском языке: «...он прочитал вывеску на русском языке: «Меняльная контора Куперника» (Шолом-Алейхем:3, 579). Тевье, приехавший в Егупец (Киев) к своему зятю Педоцуру и

дочери Бейлке, удивлен, что их горничная отвечает ему на идиш: «Я, знаете, вхож в богатые дома и со всеми горничными знаком... Кивнул я ей: «Отвори, мол, кошечка!» Та отворила двери и спрашивает, представьте себе, по-еврейски: «Кого вам?» [Шолом-Алейхем: 1, 588]

Владение русским языком расценивалось как нечто прогрессивное. Так, речь упомянутой выше Сонечки из рассказа «Менахем-Мендл – сват» характеризуется следующим образом: «Разговорилась моя красавица, ..., и пошла молоть наполовину по-еврейски, наполовину по-русски, то есть больше по-русски, чем по-еврейски». Она заявляет свату: «...хотя наш Ямполь считается фанатическим городом, мы все же получили русское образование. И хотя мы не посещаем учебных заведений, вы все же не найдете у нас ни одной барышни, которая не была бы знакома с Эмилем Золя, с Пушкиным и даже с Горьким...» (Шолом-Алейхем: 1, 448). Таким образом, русский язык – некий символ приобщенности к русской и мировой культуре, т. к. почти наверняка Сонечка читала Эмиля Золя в русском переводе. Русский язык Сонечки также оставляет желать лучшего.

Но даже дочь небогатого молочника Тевье, Годл, «девица с головой, пишет и читает по-еврейски и по-русски, а книжки – книжки глотает как галушки» (Шолом-Алейхем: 1, 528). Таким образом, стремление изучать русский язык не зависело от социально-экономического положения еврейских девушек.

Еврейским детям для получения светского образования русский язык был необходим, ведь на еврейских языках доступно было только религиозное образование. Часто именно русский язык становился основным препятствием на этом пути, и еврейские дети испытывали большие трудности (в том числе психологические) при его изучении: «Наняли нового учителя, русского (не еврея, ..., фи!), настоящего русского, потому что грамматика для поступления в первый класс – это горше хрена! Шутка ли, грам-ма-ти-ка! Буква «ять»! И чего только не натерпелись мы от этого...учителя! Даже рассказывать совестно! Он всех нас с грязью смешивал, смеялся прямо в лицо! Например, когда нужно было учить с мальчиком грамматику, он ничего, кроме чеснока, выискать не мог: «чеснок», «чеснока», «чесноку», «чеснокою»...» (Шолом-Алейхем: 5, 108). Огромные трудности при изучении русского языка, как мы видим, вызывали прежде всего грамматика и орфография. Заметим, что еврейским детям, получавшим светское образование, приходилось, согласно учебной программе гимназии, изучать также латинский, древнегреческий, немецкий и французский языки.

Встречалось смешение русского языка с ивритом: «Мордехай-Носон открыл ему кредит, ..., говоря при этом с улыбкой и мешая русскую речь с древнееврейской... -Не обижайтесь, панич, макшн в кармане, шолом в доме...» [Шолом-Алейхем: 4, 418].

Однако использование русского языка диктовалось отнюдь не только прагматическими соображениями: «Они встают, ... садятся в лодку и затягивают песню (не еврейскую, а русскую)» (Шолом-Алейхем: 3, 518). Богуславская еврейская интеллигенция читает «Что делать?», разумеется, по-русски [Шолом-Алейхем: 3, 540]. Кроме того, встречались случаи общения евреев между собой на русском языке: «Из Рабиновичей он больше всех любил дядю Нисла...и, подобно шполянскому деду, любил разговаривать с евреями по-русски» (Шолом-Алейхем: 3, 318). В «Лете красном» читаем: «- Однако ты бы слышал, - отвечает жена, - как она не желает говорить со мной по-еврейски. Только по-русски и только по-немецки, хоть кол у нее на голове теши» (Шолом-Алейхем: 6, 106) – в данном случае еврейка по каким-то причинам игнорирует идиш.

Евреи употребляли русифицированные антропонимы при обращении друг к другу: Софья Абрамовна, Осип Моисеевич [Шолом-Алейхем: 6, 48], «Превращается же у нас Велвл во Владимира, Исроел – в Исидора, а Аврам в Аввакума!» [Шолом-Алейхем: 4, 265].

Заметим, что рассказы «Мечтатели» и «Типы «малой биржи»» написаны Шолом-Алейхемом по-русски. Кроме того, писатель вел переписку на русском языке с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым и А. М. Горьким.

Что касается проблемы диалектов идиш, она нашла яркое отражение в рассказе «Берл-Айзик». Герой рассказа, говорящий на украинском диалекте идиш, не сразу достигает взаимопонимания с еврейкой, пользующейся литовским диалектом этого же языка, из-за разницы в вокализме некоторых слов в этих диалектах. Отчасти здесь находит отражение проблема диалектальной раздробленности германских языков в целом. Известно, что «носителям многих диалектов (немецкого языка – И.Б.) совершенно непонятна речь на других диалектах; к примеру, по свидетельству Г. Пауля, «швейцарцу невозможно понять не только голштинца, но даже гессенца или баварца» (цит. по книге Жирмунский, 1956: 26). [Берков, 60].

Итак, можно сделать следующие выводы.

Произведения Шолом-Алейхема, помимо их высочайших художественных достоинств, являются также ценнейшим источником социолингвистических сведений.

Языковая ситуация в среде ашкеназов Российской империи отличалась значительной сложностью и пестротой. Ашкеназы не имели собственных административно-территориальных образований и проживали рассеянно среди других народов империи. Местом их компактного проживания была черта оседлости. Владение несколькими языками было среди ашкеназов массовым явлением.

Основным разговорным и литературным языком евреев в Российской империи того периода был идиш. Очень сильные позиции занимал иврит, порой на равных конкурировавший с идишем и обладавший более высоким престижем. Прежде чем стать литературным языком, идиш боролся за это право как с ивритом, так и с русским языком. Велика была роль славянских языков – русского, государственного языка Российской империи, необходимого для адекватного социального функционирования, и украинского – основного языка повседневного общения нееврейского населения соответствующей территории. Гораздо менее значительна роль польского языка.

Особое место принадлежало английскому языку, необходимому для эмиграции в США. Роль английского языка возрастает в начале двадцатого века, в связи со все усиливающейся эмиграцией. В настоящее время, как пишет Николас де Ланж, «Более половины евреев мира живет в англоязычных странах» (Ланж: 32).

Таким образом, основными идиомами, в разных пропорциях активно задействованными в языковой ситуации среди ашкеназов Российской империи второй половины XIX - начала XX вв. были: германский идиш, семитские иврит и арамейский, славянские русский, украинский, польский, романский молдавский, а также иностранные языки — немецкий, французский и английский. Идиш являлся основным повседневным языком ашкеназов и к концу XIX в. значительно укрепил свои позиции в качестве литературного языка, во многом благодаря деятельности самого Шолом-Алейхема.

Список литературы References

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, Наука, 2005. — 412 с.
Alefirenko N.F. *Sovremennye problemy nauki o yazyke*. M.: Flinta, Nauka, 2005. — 412 s.
2. Арамейский язык // Электронная еврейская энциклопедия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/10266> (дата обращения - 26.01.2017)
Aramejskij yazyk // *Elektronnaya evrejskaya ehnciklopediya*. – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.eleven.co.il/article/10266> (data obrashcheniya - 26.01.2017)
3. Берков В.П. Современные германские языки. СПб, АСТ: Астрель, 2001. — 336 с.
Berkov V.P. *Sovremennye germanskije yazyki*. SPb, AST: Astrel', 2001. — 336 s.

4. Бойчук И.В., Ещенко И.О. Об аллогенной составляющей лексики современного иврита // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4
Bojchuk I.V., Eshchenko I. O. Ob allogennoj sostavlyayushchej leksiki sovremennogo ivrita // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 4
5. Ланж Н. Иудаизм. Древнейшая мировая религия. М., 2012
Lanzh N. Iudaizm. Drevnejshaya mirovaya religiya. M., 2012
6. Нюстрем Э. Библейский словарь. «Библия для всех». СПб, 1997. – 522 с.
Nyustrem E.H. Biblejskij slovar'. «Bibliya dlya vsekh». SPb, 1997. – 522 s.
7. Перец И.Л. Ицхок-Лейбуш Перец. Избранное. — М., 1962.
Peres I.L. Ickhok-Lejbush Peres. Izbrannoe. — M., 1962.
8. Финк В. Шолом-Алейхем и его время//Шолом-Алейхем Тевье-Молочник. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1969.
Fink V. Sholom-Alejhem i ego vremya//SHolom-Alejhem Tev'e-Molochnik. Povesti i rasskazy. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1969.
9. Шолом-Алейхем. Собрание сочинений – в 6 т. ТТ. 1-6. М., 1959
SHolom-Alejhem. Sobranie sochinenij – v 6 t. TT. 1-6. M., 1959
10. Электронная еврейская энциклопедия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il> (дата обращения – 25.01.2017)
Ehlektronnaya evrejskaya ehnciklopediya. – [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.eleven.co.il> (data obrashcheniya – 25.01.2017)
11. Sholom-Aleichem. Tevye the Dairyman and Other Stories. – Moscow, Raduga Publishers, 1988.
Sholom-Aleichem. Tevye the Dairyman and Other Stories. – Moscow, Raduga Publishers, 1988.
12. Buenos Aires, 1952, Sholem Aleichem. National Yiddish Book Center Amherst, Massachussets - Steven Spielberg Yiddish Library.